

К.А. Шестаков*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ТЕОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

В статье рассматривается воздействие аксиологического фактора на репродуктивное поведение. Анализируется теория демографического перехода, в которой, по мнению автора статьи, механизм воздействия аксиологического фактора на репродуктивное поведение представлен в искаженном виде. Предлагается альтернативная схема воздействия аксиологического фактора на репродуктивное поведение.

Ключевые слова: аксиологический фактор, теория демографического перехода, прогресс, модернизация ценностей, модификация репродуктивного поведения.

Процесс воспроизводства населения в России за последние 18 лет характеризуется весьма резкими и, по мнению автора, однозначно негативными показателями. Стремительный рост смертности и обвал рождаемости, графически отображаемый в виде двух пересекающихся кривых, получил свое публицистическое название «русский крест», что означает наше перечеркнутое будущее или тяжелое «крестоношение» нашего народа. Действительно, на протяжении последних столетий динамика воспроизводства населения в России в последние годы сопоставима только с периодами Гражданской и Великой Отечественной войн. Попытки найти пути выхода из сложившейся ситуации, к сожалению, зачастую базируются на устаревших подходах.

Теория демографического перехода практически полностью игнорирует аксиологический фактор воздействия на репродуктивное поведение, сводя все к социально-экономической полезности детей в духе марксизма-ленинизма. Что не удивительно, поскольку ее создатель Л. Рабинович исходил из тезиса К. Маркса о том, что каждому способу производства присущи свои особенные законы населения [1. С.187].

* © Шестаков К.А., 2008

Шестаков Константин Александрович (shestakov_const@mail.ru), кафедра экономической теории Тюменского государственного нефтегазового университета, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

«Ряд видных российских демографов (А.Г. Волков, А.Я. Кваша, А.Г. Вишневский, Л.Е. Дарский, А.И. Антонов, В.А. Борисов и др.) считают, что главной причиной уменьшения рождаемости стало постепенное изменение, а затем и отмирание экономической составляющей потребности в детях, или экономической мотивации деторождения» [2. С.123–124].

Например, В.А. Борисов пишет: «В прошлых аграрных обществах семья была производственной ячейкой, отношения между членами семьи во многом определялись производственными факторами. Дети имели значение для родителей как работники, помощники в хозяйстве, его наследники, воины-защитники хозяйства. Большое число детей способствовало благосостоянию семьи (рода, племени), росту авторитета родителей в общине. Семья выполняла, кроме того, важную посредническую роль между ее членами и обществом.

После промышленной революции XVIII в., по мере развития индустриальной цивилизации, все вышеназванные роли постепенно переходят от семьи к другим социальным институтам. Происходит поляризация семейных и внесемейных интересов и способов жизнеобеспечения. Постепенно *полезность детей* для родителей снижается до 1-2. Это тот оптимум, который позволяет родителям сочетать удовлетворение потребности в родительстве с удовлетворением других потребностей (в труде с целью заработка, в социальном продвижении, в отдыхе и т.п., все в основном – вне семьи). *Дети постепенно теряют свою экономическую полезность* и начинают удовлетворять в основном лишь эмоциональные потребности родителей, для чего в большинстве случаев, очевидно, достаточно именно 1-2 детей» [1. С.187,190].

Термин «полезность детей» говорит сам за себя. Обращает на себя внимание то, что все предположения о «полезности детей» для родителей носят бездоказательный характер. Ведь фактическое изменение количества рожденных детей может быть вызвано и другими причинами. Скорее всего, здесь имеет место экстраполяция современного мировоззрения, ценностей и мотивации и прошлое. Цитированное выше предположение справедливо в отношении современного человека, носителя модернизированных ценностей, перенесенного в прошлое.

Тем не менее, в рамках теории демографического перехода все-таки упоминаются факторы воздействия на репродуктивное поведение, связанные с обычаями, традициями, религией, культурой, но только как второстепенные, подчиненные социально-экономическим факторам, неизбежно уступающие им при прямом столкновении или противоположной направленности воздействия.

Приведем одну из типичных трактовок: «Чтобы выжить, общества вырабатывали в течение тысячелетий социальные нормы, поощрявшие максимально высокую рождаемость. Эти нормы действовали прямо и косвенно в форме законов, религиозных предписаний, народных обычаев и традиций. Такова первая фаза перехода» [1. С.185].

Иногда можно столкнуться с воззрением, например, на религию, как только на «прислужницу» экономической целесообразности: «Церковные законы о браках и разводах в различных религиях несут на себе требования экономики определенных эпох. И пока между ними и современной экономикой не существует существенных противоречий, они дополняют действие экономического фактора.

Зачастую они еще сохраняют свое влияние в качестве идеологической традиции, но с течением времени требуют доработки и приспособления к новым условиям. Так произошло со сменой разных форм брака. В менее ясной форме – и в области деторождения» [2. С.196-197].

В книге А.И. Антонова и В.М. Медкова «Социология семьи» наиболее полно изложена концепция подчиненности социокультурных факторов социально-экономическим: «В ходе развития человеческого общества невозможность непосредственного воздействия на высокую смертность вызвала запрет на непосредственное вмешательство в репродуктивные события, предшествующие родам (хотя средства предупреждения и прерывания беременности были известны издревле).

В процессе исторического развития и усложнения социальной организации запрет на контрацепцию оставался в силе из-за высокой смертности. В связи с запретом на сексуальные отношения в зависимости от сезонного цикла хозяйственных работ (производственные табу) из календарного года выпадала значительная часть времени, что делало излишним какое бы то ни было предупреждение и прерывание беременности» [3. С.95–96].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, например, большинство женщин в Российской империи не совершали аборты и не пользовались контрацептивами, потому что это было экономически нецелесообразно. Конечно, не все так примитивно: подразумевается следующий механизм: общество вырабатывает определенные традиции исходя из социально-экономической или демографической целесообразности, а индивид действует в соответствии с традициями, не подозревая о целесообразности: «Переход от многодетности к малодетности связан в большой мере с переоценкой ценностей, с изменением жизненных установок и этической системы, господствующей среди населения (по Л.Е. Дарскому, В.А. Борисову и др.)» [2. С.124].

Точнее общество выработало такие «табу», которые позволяют бороться с высокой смертностью. Даже религиозные посты (на самом деле сезонный цикл хозяйственных работ здесь ни при чем), подразумевающие «запрет на сексуальные отношения», якобы существовали ввиду социально-экономической целесообразности. Впрочем, этот взгляд не оригинален для советской атеистической науки, связывающей, например, Успенский пост, продолжающийся с 14 по 28 августа, с уборкой урожая, а Петров пост с посевной. Остается загадкой, почему самый строгий Великий пост, подразумевающий отказ даже от рыбной пищи, приходится на весну, то есть период авитаминоза. Можно предполо-

жить, что подобные научные утверждения могли бы оскорбить наших предков. Достаточно вспомнить русскую классику.

Далее в цитируемом учебнике А.И. Антонова и В.М. Медкова описывается процесс наступления второй фазы демографического перехода: «Рождение большого количества детей постепенно теряет свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усиливают экономическую зависимость детей от родителей и ослабляют репродуктивную мотивацию, прежде всего экономические и социальные мотивы многодетности.

Спонтанному ослаблению норм многодетности, редуцированию их до ее нижней границы (5 детей) и ниже содействует постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных детей с числом доживающих до совершеннолетия. Последнее обстоятельство окончательно разрушает запрет на вмешательство в репродуктивный цикл (?! – К.Ш.) Улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, успехи медицины и здравоохранения укрепляют здоровье личности, удлиняют срок жизни и непосредственно воздействуют на уменьшение смертности. А это означает, что самосохранение населения в условиях контроля над смертностью непосредственно зависит от сокращения смертности и не нуждается в какой-либо подстраховке через высокую рождаемость.

Тем самым многодетность потеряла свою **главную опору**, а рождение детей, функционально никак не связанное с физическим самосохранением Я, теперь могло сокращаться беспредельно, точнее, до бездетности (схема 4-2).

Снятие запрета с применением контрацепции и абортов привело к дальнейшей переоценке ценностей, к углублению диссонанса между всеми элементами в прошлом сбалансированной системы социального поощрения высокой рождаемости. Возможность непосредственного вмешательства в репродуктивный цикл лишает смысла прежние ограничения на добрачные и сексуальные отношения в браке, на процедуру развода и т.д. Улучшение здоровья населения, увеличение физиологических границ репродуктивного периода жизни способствуют развалу старого "механизма" социального контроля над рождаемостью» [3. С.99–101].

Как мы видим из цитируемого отрывка, ценности вовсе не забыты, но поставлены в жесткую зависимость, подчиненность социально-экономическим или демографическим факторам. Это особенно наглядно следует из цитируемой схемы. Так что же, у нас опять «бытие определяет сознание?»

Особое внимание обращает на себя утверждение, согласно которому к переоценке ценностей ведет отмена «табу» на контрацепцию и аборты, а не наоборот. В данном случае перепутаны причина и следствие. Это обнажает непонимание сути влияния аксиологического фактора на репродуктивное поведение.

Конечно, такие социальные явления как, например, отмена запрета на аборт, закрепляют, усугубляют изменение ценностных ориентаций в обществе, но не иницируют их. Иначе говоря, если, например, в обществе «назрела» легализация абортов, совершается множество криминальных абортов, то законодательная отмена «табу» закрепит уже совершившийся нравственный переворот. Однако если разрешить делать аборты тем, кто считает детоубийство совершенно нравственно недопустимым, то это не приведет к росту уровня абортов, даже в условиях сверхнизкой смертности и материального благополучия.

Постараемся выяснить, где же коренится методологическая ошибка выявления причин изменения репродуктивного поведения и снижения уровня рождаемости. В процессе демографического перехода мы наблюдаем несколько тесно коррелирующих между собой с определенным временным лагом количественных и качественных показателей:

1) **прогресс**: НТП, выражающийся в развитии медицины, улучшении материальных условий жизни населения, повышении уровня образованности общества, индустриализации и урбанизации;

2) **модернизация ценностей**: изменения ценностных ориентаций, образа жизни, культуры, религиозности (секуляризация), распространение индивидуализма и эгоцентризма, отказ от традиционных ценностей;

3) **изменение (модификация) репродуктивного поведения** и снижение уровня рождаемости.

Очевидно, наряду с прогрессом и модернизацией ценностей с некоторым временным лагом изменяется репродуктивное поведение и снижается уровень рождаемости. Чем это обусловлено в первую очередь? Научно-техническим и социальным прогрессом или изменением ценностей? Традиционно делается вывод, что прогресс обуславливает и изменение ценностей, и изменение репродуктивного поведения. Данное предположение воспринимается как аксиома. В воздействии на репродуктивное поведение модернизации ценностей отводится (если отводится вообще) второстепенная и вспомогательная роль. Модернизация семейных ценностей в данной схеме может выступать как следствие модификации репродуктивного поведения, напрямую обусловленной прогрессом (рис. 1).

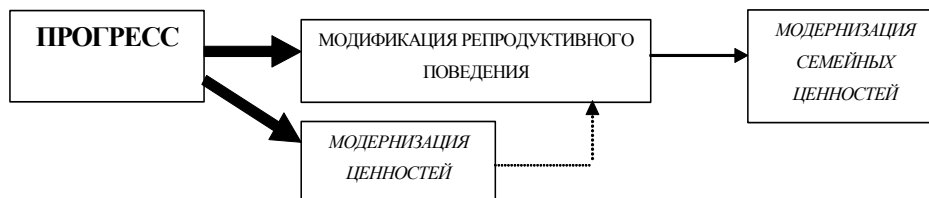

Рис. 1. Взаимосвязь прогресса, модернизации ценностей и модификации репродуктивного поведения в теории демографического перехода

Относительно воздействия на репродуктивное поведение прогресс проявляется главным образом в росте материального благосостояния, улучшении медицинского обслуживания, повышении уровня образованности общества. Считается, что с ростом благосостояния семьи, повышением ее социального статуса и образованности будет с необходимостью модифицироваться репродуктивное поведение.

Таким образом, прогресс в традиционной схеме является ключевым фактором модификации репродуктивного поведения. Поскольку прогресс неизбежен и его нельзя отменить, то так или иначе приходится смириться с модифицированным репродуктивным поведением, и все попытки воздействия на ценности заведомо бесперспективны. В то же время именно к этому (воздействию на ценности) призывают сторонники фабиализма относительно современной ситуации, интуитивно подразумевая иную более существенную роль ценностей в управлении репродуктивным поведением. Отвергая ценностный фактор в прошлом, о современной ситуации говорится очевидное: для повышения рождаемости надо воздействовать на культуру и ценности общества. Именно ввиду данного парадокса (противоречия в представлении о демографическом прошлом и восприятии современной демографической ситуации) предлагаемые

сегодня способы и механизмы управления репродуктивным поведением имеют расплывчатые очертания.

Не разобравшись до конца в причинах демографического перехода, исказив исторические и социокультурные реалии прошлого, сложно сформулировать эффективные предложения относительно настоящего. Здравый смысл и беспристрастность научных исследований подсказывают правильное направление, пути выхода, но не более того.

На самом деле прогресс и модернизация ценностей происходят параллельно друг с другом и находятся в сложной взаимозависимости. ***На репродуктивное поведение воздействует, прежде всего, модернизация ценностей, а не прогресс*** (рис. 2).

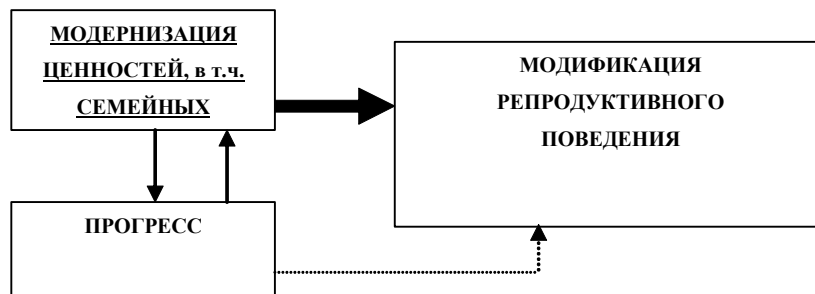

Рис. 2. Реальная взаимосвязь прогресса, модернизации ценностей и модификации репродуктивного поведения

Если говорить о воздействии прогресса как такового на репродуктивное поведение, то это воздействие всегда опосредовано модернизацией ценностей как основным и необходимым условием изменения репродуктивного поведения. Иначе говоря, прогресс может способствовать модернизации ценностей, что, в свою очередь, модифицирует репродуктивное поведение. В то же время без модернизации ценностей никакой прогресс не в состоянии существенно модифицировать репродуктивное поведение (см. таблицу). В то же время модернизация ценностей вне зависимости от прогресса (есть он или его нет) с необходимостью вызывает изменение репродуктивного поведения.

В приведенных арабских странах с устоявшимися жесткими религиозными традициями, а также в консервативной и религиозной Ирландии прогресс не вызвал модернизацию ценностей. Таблица наглядно подтверждает тезис о том, что ни образование, ни материальное благополучие, ни низкая смертность, являясь проявлениями прогресса, сами по себе без модернизации ценностей не могут изменить репродуктивное поведение в сторону снижения рождаемости. Остается добавить, что данные, приведенные в таблице, достаточно стабильны в последние десятилетия, чтобы говорить о реализации лагового эффекта, т.е. в дальнейшем вряд ли придется ожидать резкого спада рождаемости в приведенных арабских странах.

Таблица

Данные по странам с высоким уровнем прогресса, но традиционными ценностями в сравнении с Россией и ЕС

Страна	ВНД на душу населения (по ППС, USD, 2006г.)	Расходы на образование (% консолидированного бюджета, 2005г.)	Смертность (2005г., %)	Рождаемость (2005г., %)
Кувейт	48310	12,7	2	19
ОАЭ	31190	27,4	1	16
Саудовская Аравия	22300	27,6	4	27
Ирландия	34730	13,1	7	15
<i>Россия</i>	<i>12740</i>	<i>12,3</i>	<i>16</i>	<i>10</i>
<i>Страны ЕС с валютой «евро»</i>	<i>31181</i>	<i>11,1</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
<i>В среднем по миру</i>	<i>9209</i>	<i>--</i>	<i>9</i>	<i>20</i>

Источник: worldbank.org [4].

На основании приведенных данных можно предположить, что при сохранении религиозности населения (не только поверхностной, но определяющей поведение личности) и отсутствии модернизации ценностей прогресс никак не сказывается на репродуктивном поведении, что и наблюдалось в Российской империи до революции: экономический прогресс шел рекордными темпами, однако репродуктивное поведение не менялось при сохранении глубокой религиозности населения. Однако не будем забывать о сложной взаимосвязи прогресса и ценностных ориентаций общества. Прогресс явно стимулирует модернизацию ценностей, которая назрела в предреволюционный период и, собственно, в свою очередь, стимулировала революцию политическую и ценностную. Однако прогресс сам по себе без революции ценностей никоим образом не сказывался на репродуктивном поведении.

Модернизация ценностей вне зависимости от прогресса обязательно вызывает изменение репродуктивного поведения. Поэтому после революции в России наряду с экономическим упадком, подрывом системы образования, резким ростом смертности и уничтожением высших сословий (которые теоретически должны выступать локомотивом модернизации ценностей) происходит явное изменение репродуктивного поведения – процветает разврат, легализуются аборт. Н. Коллонтай выдвигает печально известную теорию «стакана воды», которая уравнивает потребность организма в воде и в «сексе» по степени естественности и легкости удовлетворения. Если бы мы столкнулись только с резким спадом рождаемости в условиях войны, террора и разрухи, это было бы

понятно и объяснимо с социально-экономической точки зрения. Но здесь мы имеем явное изменение именно репродуктивного поведения в условиях деградации и регресса, вызванное жесткой лавинообразной модернизацией ценностей.

В предвоенные годы, наряду с экономическим прогрессом и стабилизацией (несмотря на репрессии), существенным улучшением медицинского обслуживания и резким снижением смертности ниже дореволюционного уровня мы имеем существенное увеличение рождаемости. Оно было обусловлено и сталинским запретом на аборт, и значительными государственными усилиями по поддержке семей с детьми и реставрацией многих традиционных ценностей, в т.ч. ценностей. История трансформации репродуктивного поведения населения в нашей стране еще раз подтверждает тезис о приоритетности воздействия аксиологического фактора на репродуктивное поведение.

Библиографический список

1. Борисов, В.А. Демография / В.А. Борисов. – М.: Издательский дом NOTABENE, 1999, 2001. – 272 с.
2. Демография: учебное пособие / под ред. проф. В.Г. Глушковой. – М.: КНОРУС, 2004. – 304 с.
3. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996. – 304 с.
4. Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS>

K.A. Shestakov

THE VALUE FACTOR IN THE POPULATION CHANGE THEORY

The paper contains a research of the influence of value modernization upon reproductive behavior. The population change theory is analyzed. The theory somehow distorts the mechanism of the influence of value modernization upon reproductive behaviour and proposes the alternative mechanism is proved.

Key words: *the theory of demography crossing, progress, modernization values, modification of reproductive behavior*

Статья принята в печать в окончательном варианте 16.06.08 г.